ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал

2019
XXVIII

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1840
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Издаётся с 1992 года

Том XXVIII

Экспресс-выпуск • Express-issue

2019 № 1840

СОДЕРЖАНИЕ

5005-5015 Поэты и птицы: заметки орнитолога. В.А.ПАЕВСКИЙ

5016-5018 Встреча чернозобика *Calidris alpina* на озере Михалкинское в Новоржевском районе Псковской области. Э.В.ГРИГОРЬЕВ

5018-5021 Формирование смешанной колонии серой *Ardea cinerea* и большой белой *Casmerodius albus* цапель с участием большого баклана *Phalacrocorax carbo* на нерестово-выростных прудах в Семипалатинском Прииртышье. А.С.ФЕЛЬДМАН, Н.Н.БЕРЕЗОВИКОВ

5022-5027 Питание и кормовое поведение черношейной поганки *Podiceps nigricollis* в прибрежной зоне Ялты (Крым). И.В.КУЗИКОВ

5027-5029 Белая трясогузка *Motacilla alba* с одной ногой. К.Ю.ДОМБРОВСКИЙ

5029-5032 Орлан-белохвост *Haliaeetus albicilla* в Волгоградском Заволжье. В.Н.ПИМЕНОВ

5032-5034 О зимовке зимняка *Buteo lagopus* в Закавказье. А.В.АБУЛАДЗЕ

5035 О питании и размножении пустынного ворона *Corvus ruficollis* и курганника *Buteo rufinus* в юго-восточной Туркмении. Г.С.БЕЛЬСКАЯ, А.Н.СУХИНИН

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

© Русский орнитологический журнал, 2019
Дата опубликования: 23 октября 2019

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXVIII
Express-issue

2019 № 1840

CONTENTS

5005-5015 Poets and birds: notes by an ornithologist. V.A.PAYEVSKY

5016-5018 The record of the dunlin *Calidris alpina* on Lake Mikhalkinskoe in the Novorzhevsky Raion of the Pskov Oblast. E.V.GRIGORIEV

5018-5021 Formation of a mixed colony of the grey *Ardea cinerea* and great white *Casmerodius albus* herons with the participation of the great cormorant *Phalacrocorax carbo* on spawning-outgrowth ponds in the Semipalatinsk Irtysh region. A.S.FELDMAN, N.N.BEREZOVIKOV

5022-5027 Food and feeding behaviour of the black-necked grebe *Podiceps nigricollis* in the coastal zone of Yalta (Crimea). I.V.KUZIKOV

5027-5029 A white wagtail *Motacilla alba* with one leg. K.Yu.DOMBROVSKY

5029-5032 The white-tailed eagle *Haliaeetus albicilla* in the Volgograd Trans-Volga region. V.N.PIMENOV

5032-5034 About the wintering of the rough-legged buzzard *Buteo lagopus* in Transcaucasia. A.V.ABULADZE

5035 On food and breeding of the brown-necked raven *Corvus ruficollis* and long-legged buzzard *Buteo rufinus* in southeastern Turkmenistan. G.S.BELSKAYA, A.N.SUKHININ

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2019

ISSN 1026-5627
*Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск **1840**: 5005-5015*

Поэты и птицы: заметки орнитолога

В.А.Паевский

Владимир Александрович Паевский. Зоологический институт РАН, Университетская набережная, д. 1, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: payevsky@yandex.ru

Поступила в редакцию 17 октября 2019

В проснувшейся роще – сверканье росы
Среди изумрудных сплетений,
Душа задрожит от нежданной красы
И радужных нот песнопений.

И славок, дроздов жизнерадостный хор,
И гром соловьиных раскатов
Откроют мечтам их волшебный простор
И чувств искромётных каскады.

И жизнь, вопреки неприметной судьбе,
Предстанет в волнующих красках,
А счастье, прильнувшее снова к тебе,
Уже не покажется сказкой…

Неисчерпаема тема птиц в мифологии и литературе всех народов мира. Разные птицы олицетворяли, с одной стороны, божественную мощь, а с другой стороны – враждебные чёрные силы, несущие опасность и смерть. Орлы восхищали своим поднебесным кружением на недосягаемой высоте, сокола – своим стремительным полётом. К некоторым птицам, например к журавлям, а также к живущим рядом с людьми ласточкам и аистам, народ издавна проявлял симпатию и любовь, а к другим, таким, как ворон, сова и филин, относился или с уважением, как к существам мудрым, или же как к тёмной нечистой силе. Народные фантазии, передаваемые сказителями, создавали и образы сказочных птиц: жар-птицы, гамаюна, алконоста, сирина. В древнем Египте символом весны и грядущего урожая был прилетающий на берега Нила священный ибис, названный так за олицетворение бога мудрости Тота. В древней Руси отмечали в марте прилёт грачей как день Герасима-грачевника, а прилёт жаворонков и их весеннее пение всегда сопровождалось выпеканием фигурок жаворонков ко дню весеннего равноденствия. В трудах многих античных греческих и римских авторов указывалось, что появление многочисленных стай птиц люди часто принимали за особый знак богов. Авгуры в древнем Риме, как известно, по поведению птиц и по направлению их полёта, предсказывали ближайшее будущее, например, исход сражения.

Обратиться к давней теме птиц как поэтического образа меня подтолкнул Фейсбук. Недавно там возникла дискуссия, начало которой

положил Н.С.Чернецов, процитировавший известное стихотворение Анны Ахматовой «Я научилась просто, мудро жить», написанное в 1912 году. В последнем четверостишии этого стихотворения такие строки: «Лишь изредка прорезывает тишь Крик аиста, слетевшего на крышу». Реакция Чернецова на эти строки, разумеется, была ожидаемой: «Ну, Анна Андреевна, ну.... Аисты немые, они могут только клювом стучать, а кричать не могут вообще никак…». Комментариев по этому поводу было очень много, и не только от орнитологов.

Эта дискуссия затронула вопросы, о которых мне давно довелось размышлять. Допустимы ли в художественных произведениях символического, поэтического и сказочного характера, в печатных, электронных и прочих изданиях неверные, ошибочные сведения, суть которых может знать только узкий специалист? Когда-то давно, в мои студенческие годы, я прочитал в одном из журналов рассказ-притчу, в котором фигурировали тигры в Африке. Разгорячённый юношеским максимализмом, я написал в редакцию журнала соответствующее критическое письмо о том, что тигры в Африке могут быть только в зоопарках, а не в природе; там есть леопарды, а тигров нет. В ответном письме редактор, с одной стороны, всячески урезонивал меня, заявив, что в притче написать возможно всё, что угодно, а с другой стороны выразил своё личное сомнение в том, что в Африке тигры не живут.

Оставляя в стороне прочие науки, обратимся к орнитологии. Что обычный средний человек знает о птицах? Приведу здесь строки из моих мемуаров (Паевский 2001): «Наряду с полной безграмотностью нашего обывателя в распознавании птиц в природе и неспособностью отличить не только кукушку от ястреба, но и самца от самки у домовых воробьёв, постоянно находящихся перед глазами, в народе существует какая-то непонятная тяга к птичьим названиям, существующая в полном отрыве от реальных птиц. Все эти «гуси-лебеди», «ясны соколы», «сталинские соколы», горные орлы и соловушки – лишь слова, получившие вечную популярность в языке. Поэты, стремящиеся быть «ближе к народу», обязательно вставят в текст что-либо птичье (чего стоит только одно сочетание в известной песне «нет, не те дрозды, не полевые»!). Да и сам народ в своих исконных песнях-плясках иногда вставляет полную несуразицу. Так, в одной из народных песен, входящих в репертуар ставшего известным Олега Погудина есть слова: «В роще листья шумят, осыпаются, Канареечка поёт, заливается». В каких русских рощах народ видел канареечку, что он под этим названием понимает и почему птица поёт осенью – полная загадка.

Заглянув однажды в подшивку газеты «Книжное обозрение», я был поражён обилием книг, особенно поэтических, в названиях которых есть орнитологическая тематика. Привожу здесь как наиболее вычурные, так и наиболее частые: «Птицы любви», «Холостые соловьи», «Зо-

ревые соловьи», «Иволга над Волгой», «Ворон-птица зимняя», «Четырёхкрылая птица», «Зелёные воробушки», «Воробей – птица морская», «Последний глухарь», «Зов разлучённой птицы», «Орлята», «Ястребята», «Соловьята», «Аисты вернутся», «Орлы гибнут в вышине», «Кукушки слышу счёт», «К кому прилетают аисты». Особенно повезло журавлям и жаворонкам: «Ранние журавли», «Белые журавли», «Журавль небесный», «Журавль, упавший с неба», «За журавлём», «Журавлиное крыло», «Журавлиный крик», «Сын-журавль», «Возвращайтесь, журавли!», «Охота на последнего журавля», «Журавли над окопами», «Песня жаворонка», «Час жаворонка», «Высокие жаворонки», «Жаворонок, прилети», «Держава ранних жаворонков» и т.д. и т.п. Следует также заметить, что у разных народов образ птицы, применённый к характеристике человека, может быть совершенно разным. Если мы в России о разине и простофиле скажем (и совершенно несправедливо): «Эх ты, ворона!», то немец о том же человеке наверняка скажет: «Эх ты, снегирь!»

В стихах самых известных поэтов можно встретить как прекрасное знание особенностей разных видов птиц, так и совершенно противоположное, т.е. фактические ошибки и даже нелепости. Если начать с великого Михаила Ломоносова, то современному читателю довольно трудно воспринять древний высокий стиль его оды 1747 года на восшествие на престол дочери Петра Первого Елизаветы. О птицах там говорится так: «Там тьмою островов посеян, Реке подобен Океан, Небесной синевой одеян, Павлина посрамляет вран. Там тучи разных птиц летают, Что пестротою превышают Одежду нежныя весны; Питаясь в рощах ароматных И плавая в струях приятных, Не знают строгия зимы».

В стихотворении «Ласточка» Гавриила Державина есть такие строки: «О, домовитая ласточка! О, милосизая птичка! Грудь красно-бела, касаточка, Летняя гостья, певичка! ... Но видишь и бури ты черны, И осени скучной приход; И прячешься в бездны подземны, Хладея зимою, как лёд. Во мраке лежишь бездыханна, Но только лишь придет весна И роза вздохнет лишь румяна, Встаёшь ты от смертного сна...» Строки эти свидетельствуют о том, что Державин верил в то, что ласточки осенью не улетают на зимовку в Африку, а согласно великому Аристотелю, на всю зиму впадают в спячку, и не где-нибудь, а на дне разных водоёмов наподобие озёрным лягушкам. Такое мнение было широко распространено в Европе в XVI-XVII веках и позже, хотя ещё в XIII веке король Германии Фридрих II Гогенштауфен уже дал подробное описание миграций всех птиц. Мнение Аристотеля о том, что некоторые птицы способны впадать в спячку, было основано на действительных редких случаях так называемого «голодного или перелётного сна», наблюдаемого иногда и в наше время у стрижей и ласточек. При долго длящейся очень неблагоприятной погоде, затрудняющей кормёжку в воздухе, они прерывают свой перелёт, скапливаются вместе в

тёплых сухих пещерах и пережидают там несколько дней. Температура тела и обмен веществ при этом резко снижаются (т.е. что-то похожее на судьбу ласточки в сказке Андерсена о Дюймовочке).

В отличие от Державина, поэт Аполлон Майков в 1856 году уже хорошо знает, как далеко мигрируют птицы, поскольку в стихотворении «Ласточки» он пишет: «Взгляну ль по привычке под крышу, Пустое гнездо над окном: В нём ласточек речи не слышу, Солома обветрилась в нем... И вот – их гнездо одиноко! Они уж в иной стороне, Далёко, далёко, далёко... О, если бы крылья и мне!». Вторит ему и Афанасий Фет: «Ласточки пропали, А вчера зарёй Всё грачи летали Да, как сеть, мелькали Вон над той горой.... Лучше б снег да вьюгу Встретить грудью рад! Словно как с испугу Раскричавшись, к югу Журавли летят».

Журавли – это совершенно особая поэтическая тема, давшая миру сотни замечательных стихов и песен. О журавлях писали и Василий Жуковский («Все тихо: лист не колыхнётся; Лишь журавлей по вышине Шумящая станица вьётся В страны полуденны к весне...», и Аполлон Майков («От грустных дум очнувшись, очи Я подымаю от земли: В лазури темной к полуночи Летят станицей журавли. От криков их на небе дальнем Как будто благовест идёт – Привет лесам патриархальным, Привет знакомым плёсам вод!.. », и Александр Блок («И на вьюжном море тонут Корабли. И над южным морем стонут Журавли», и Сергей Есенин («Отговорила роща золотая Берёзовым, весёлым языком, И журавли, печально пролетая, Уж не жалеют больше ни о ком»), и Владимир Солоухин («Журавли, наверно, вы не знаете, Сколько песен сложено про вас, Сколько вверх, когда вы пролетаете, Смотрит затуманившихся глаз! Из краёв болотных и задебренных Выплывают в небо косяки. Крики их протяжны и серебряны, Крылья их медлительно гибки. Лирика полёта их певучего Нашей книжной лирики сильней. Пролетают, радуя и мучая, Просветляя лица у людей»), и Андрей Дементьев («Уже давно не видно журавлей. Но журавли летят в душе твоей. В душе моей все журавли парят. Хорошая примета, говорят…»).

Завораживающие и по-особенному печальные крики в осенних мигрирующих стаях серых журавлей тревожат многих. Как написано в статье о символике птиц в русской танатологической лирике (Сафонова 2009), в образах журавлей часто прослеживается символическая связь с душами умерших и их переселении в журавлей. Прекрасны стихи Николая Рубцова о журавлях: «Меж болотных стволов красовался восток огнеликий… Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли! И разбудят меня, позовут журавлиные крики Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали… Широко по Руси предназначенный срок увяданья Возвещают они, как сказание древних страниц. Всё, что есть на душе, до конца выражает рыданье И высокий полёт этих гордых прославленных птиц. Широко на Руси машут птицам согласные руки. И

забытость болот, и утраты знобящих полей – Это выразят всё, как сказанье, небесные звуки, Далеко разгласит улетающий плач журавлей… Вот летят, вот летят… Отворите скорее ворота! Выходите скорей, чтоб взглянуть на любимцев своих! Вот замолкли – и вновь сиротеет душа и природа Оттого, что – молчи! – так никто уж не выразит их…»

Трагична и песня о журавлях «Здесь, под небом чужим», созданная на основе стихотворения Алексея Жемчужникова «Осенние журавли», написанного в 1871 году в Германии и изменённая неизвестным автором. Сердечная тоска по любимой родине слышится автору в криках журавлей: «Здесь, под небом чужим, я – как гость нежеланный, Слышу крик журавлей, улетающих вдаль. Сердце бьётся сильней, слышу крик каравана, В дорогие края провожаю их я. Вот всё ближе они и всё громче рыданья, Словно скорбную весть мне они принесли. Из какого же вы, из далёкого края Прилетели сюда на ночлег журавли? Холод, дождь и туман, непогода и слякоть, Вид унылых людей и угрюмой земли… Ах, как больно в груди, как мне хочется плакать! Перестаньте рыдать надо мной, журавли! Пронесутся они мимо скорбных распятий, Мимо древних церквей и больших городов. А вернутся они – им раскроют объятья Дорогая земля и отчизна моя!»

Столь же пронизывающе печальны и стихи Расула Гамзатова в переводе Наума Гребнева о белых журавлях, в которых превратились погибшие солдаты: «Мне кажется порою, что солдаты, С кровавых не пришедшие полей, Не в землю эту полегли когда-то, А превратились в белых журавлей. Они до сей поры с времён тех дальних Летят и подают нам голоса. Не потому ль так часто и печально Мы замолкаем, глядя в небеса?... Летит, летит по небу клин усталый, Летит в тумане на исходе дня, И в том строю есть промежуток малый – Быть может, это место для меня… Настанет день, и с журавлиной стаей Я поплыву в такой же сизой мгле, Из-под небес по-птичьи окликая Всех вас, кого оставил на земле…»

Творчество стихотворцев не могло не затронуть и других самых известных в народе птиц. Лебедю посвящено много стихов русских поэтов. У Фёдора Тютчева воспевается белое и чистое оперение лебедей: «Пускай орёл за облаками Встречает молнии полёт И неподвижными очами В себя впивает солнца свет. Но нет завиднее удела, О лебедь чистый, твоего – И чистой, как ты сам, одело Тебя стихией божество». Этому же белому оперению посвящено и стихотворение Николая Заболоцкого: «Сквозь летние сумерки парка По краю искусственных вод Красавица, дева, дикарка – Высокая лебедь плывет. Плывёт белоснежное диво, Животное, полное грёз, Колебля на лоне залива Лиловые тени берёз. Головка её шелковиста, И мантия снега белей, И дивные два аметиста Мерцают в глазницах у ней. И светлое льётся сиянье Над белым изгибом спины, И вся она как изваянье Приподнятой к небу

волны». Что же касается содержания стихотворения Константина Бальмонта «Лебедь», написанного в 1895 году про предсмертную песню лебедя, то лебеди, как известно, не поют. Лебедь-шипун вообще не произносит других звуков, кроме шипения (его английское название mute swan, что означает немой лебедь), а голос лебедя-кликуна и других видов лебедей песней тоже нельзя назвать. Однако само стихотворение Бальмонта воспринимается с точки зрения поэтики вполне положительно, если не вдаваться в нереальность описываемого: «Заводь спит. Молчит вода зеркальная. Только там, где дремлют камыши, Чья-то песня слышится, печальная, Как последний вздох души. Это плачет лебедь умирающий, Он с своим прошедшим говорит, А на небе вечер догорающий И горит и не горит. Отчего так грустны эти жалобы? Отчего так бьётся эта грудь? В этот миг душа его желала бы Невозвратное вернуть. Всё, чем жил с тревогой, с наслаждением, Всё, на что надеялась любовь, Проскользнуло быстрым сновидением, Никогда не вспыхнет вновь. Всё, на чём печать непоправимого, Белый лебедь в этой песне слил, Точно он у озера родимого О прощении молил. И когда блеснули звезды дальние, И когда туман вставал в глуши, Лебедь пел все тише, все печальнее, И шептались камыши».

О лебединой верности в народе сложены и стихи, и песни, и мифы. Неизвестный автор так прямо и заявляет: «Говорят, что у лебедя – Лебединый закон! Умирает любимая – Умирает и он! Крылья сложит и падает Камнем вниз со скалы, И над ним цвета радуги Вырастают цветы! Так давайте, как лебеди, Будем милых любить! Лебединую верность Будем в сердце хранить!» По данным изучения английской популяции лебедя-шипуна, они образуют брачную пару обычно в возрасте двух или трёх лет, но некоторые – только с четырёх и даже пяти и шести лет. Самки приступают к брачным делам в более молодом возрасте, чем самцы. Что же касается лебединой верности, то в целом она существует, но не у всех птиц. Из уже размножавшихся и оставшихся живыми к следующему лету супружеских пар разрыв произошёл лишь у трёх из ста пар.

Жаворонок – одно это слово уже вызывает в душе радостное ощущение огромного пространства неба, солнечного света и бескрайнего поля. Стихотворение Нестора Кукольника «Жаворонок» ярко воплотилось в известном романсе Михаила Глинки: «Между небом и землёй Песня раздаётся, Неисходною струёй Громче, громче льётся. Не видать певца полей, Где поёт так громко Над подружкою своей Жаворонок звонкий…»

Не могли поэты и пройти мимо снегирей. Наиболее точно описал их Николай Асеев: «Тихо-тихо сидят на снегу снегири Меж стеблей прошлогодней крапивы, Я тебе до конца описать не смогу, Как они и бедны, и красивы. .... Тихо-тихо сидят на снегу снегири – На головках

бобровые шапочки, У самца на груди отраженье зари, Скромно-серые перья на самочке». Гавриил Державин считал, что песня снегиря похожа на звуки флейты: «Что ты заводишь песню военну Флейте подобно, милый снигирь? С кем мы пойдём войной на Гиену? Кто теперь вождь наш? Кто богатырь? Сильный где, храбрый, быстрый Суворов? Северны громы в гробе лежат».

Удивительное стихотворение Ивана Бунина «Щеглы» раскрывает читателю сложный внутренний мир поэта, парадоксальные радостные муки его души при виде осеннего сада, и звуков щеглов, которые он воспринимает как неживой, стеклянный, хрустально-мёртвый звон: «Щеглы, их звон, стеклянный, неживой, И клён над облетевшею листвой, На пустоте лазоревой и чистой, Уже весь голый, лёгкий и ветвистый… О, мука мук! Что надо мне, ему, Щеглам, листве? И разве я пойму, Зачем я должен радость этой муки, Вот этот небосклон, и этот звон, И тёмный смысл, которым полон он, Вместить в созвучия и звуки? …. Беру большой зубчатый лист с тугим Пурпурным стеблем, – пусть в моей тетради Останется хоть память вместе с ним Об этом светлом вертограде С травой, хрустящей белым серебром, О пустоте, сияющей над клёном Безжизненно-лазоревым шатром, И о щеглах с хрустально-мёртвым звоном!»

Белла Ахмадулина со своими всегда серебристо-лёгкими, воздушными строками, тоже упомянула щегла, но как легкомысленную птицу: «В тот месяц май, в тот месяц мой Во мне была такая лёгкость, И, расстилаясь над землёй, Влекла меня погоды лётность. Я так щедра была, щедра В счастливом предвкушенье пенья, И с легкомыслием щегла я окунала в воздух перья… Я вижу, как грачи галдят, Над черным снегом нависая, Как скучно женщины глядят, Склонившиеся над вязаньем».

Наш «Буревестник революции» Максим Горький в свои юные годы ловил птиц вместе со старым птицеловом. В воспоминаниях он пишет: «Важные снегири – глуповаты: они идут в сеть целой стаей, как сытые мещане в церковь; когда их накроешь, они очень удивлены, выкатывают глаза и щиплют пальцы толстыми клювами». А в своих так называемых песнях – «Песнь о буревестнике» и «Песнь о соколе» глашатай революции противопоставляет страстные символические образы буревестника и сокола («Безумству храбрых поём мы славу!») всем остальным птицам (т.е. «сытым мещанам», прячущимся от революции).

Гениальный мастер слова, «наше всё», Александр Пушкин тоже неоднократно обращался к образу птиц. Его всем известное знаменитое стихотворение «Узник» («Сижу за решёткой в темнице сырой. Вскормленный в неволе орёл молодой…» написано в 1822 году в Кишинёве, в ссылке, и символизм этого произведения очевиден. А в «Сказке о царе Салтане» Пушкин, рисуя нападение коршуна на лебедя (в реальном

мире ситуация невозможная), вновь обращается к символам, поскольку и коршун, и лебедь – образы сказочные («…Ты не лебедь ведь избавил, Девицу в живых оставил; Ты не коршуна убил, Чародея подстрелил…»). Но самое интересное для орнитолога в одном из стихотворений Пушкина – это «восточный соловей». Стихотворение «Соловей и роза», написанное в 1827 году, начинается такими строками: «В безмолвии садов, весной, во мгле ночей, Поёт над розою восточный соловей». Удивительно, но Пушкин назвал соловья восточным. Действительно, в отличие от западного соловья *Luscinia megarhynchos*, наш обычный соловей *Luscinia luscinia* назывался восточным до середины 1960-х годов, после чего его стали чаще называть обыкновенным. Правда, у Михаила Мензбира в публикациях 1904 года уже есть «обыкновенный соловей», хотя он и отнесён к другому роду и обозначен как *Erithacus philomela* (Мензбир, 1904-1909).

В стихах Михаила Лермонтова птицы тоже символичны, они появляются при описании душевных тревог автора. В стихотворении «Два сокола» (1829 г.) читаем: «... и тряхнувшись, в поле диком Серый сокол тихо сел, И к нему с ответным криком Брат стрелою прилетел... Братец, братец, что ты видел? Расскажи мне поскорей! – Ах, я свет возненавидел И безжалостных людей...». В стихотворении «Желание» (1831 год) Лермонтов восклицает: «Зачем я не птица, не ворон степной, Пролетевший сейчас надо мной? Зачем не могу в небесах я парить И одну лишь свободу любить?». А в стихотворении «Надежда» в 1831 году он описывает птицу, которая оказывается олицетворением его надежды: «Есть птичка рая у меня, На кипарисе молодом Она сидит во время дня, Но петь никак не станет днём; Лазурь небес – её спина, Головка пурпур, на крылах Пыль золотистая видна, – Как отблеск утра в облаках. И только что земля уснёт, Одета мглой в ночной тиши, Она на ветке уж поёт Так сладко, сладко для души, Что поневоле тягость мук Забудешь, внемля песни той, И сердцу каждый тихий звук Как гость приятен дорогой; И часто в бурю я слыхал Тот звук, который так люблю; И я всегда надеждой звал Певицу мирную мою!»

У Александра Блока образы птиц связаны с древними обычаями, битвами и всей историей Руси: «... И, чертя круги, ночные птицы Реяли вдали. А над Русью тихие зарницы Князя стерегли. Орлий клёкот над татарским станом Угрожал бедой, А Непрядва убралась туманом, Что княжна фатой» (стихотворение «На поле Куликовом», 1908 год)

Уникальное место по отношению к птицам занимает среди поэтов Эдуард Багрицкий. Это был и поэт, и переводчик, и журналист, и птицелов, и аквариумист. В своей очень короткой, но насыщенной жизни он досконально знал и трепетно любил певчих птиц, ловил их, держал дома, постоянно общался с птицеловами, о чём уже подробно рассказано (Шергалин 2014). В его стихотворении «Стихи о соловье и поэте»

есть такие замечательные катрены: «Любовь к соловьям – специальность моя, В различных коленах я толк понимаю: За лешевой дудкой – вразброд стукотня, Кукушкина песня и дробь рассыпная... Нас двое! Бродяга и ты – соловей, Глазастая птица, предвестница лета. С тобою купил я за десять рублей Черёмуху, полночь и лирику Фета!... Мы пойманы оба, Мы оба – в сетях! Твой свист подмосковный не грянет в кустах, Не дрогнут от грома холмы и озёра... Ты выслушан, Взвешен, Расценен в рублях... Греми же в зелёных кусках коленкора, Как я громыхаю в газетных листах!...»

К соловьям не раз обращался в своих прекрасных образных стихах и Борис Пастернак, особенно в стихах Юрия Живаго из романа «Доктор Живаго». В 1953 году в стихотворении «Белая ночь» он пишет: «Там, вдали, по дремучим урочищам, Этой ночью весеннею белой, Соловьи славословьем грохочущим Оглашают лесные пределы. Ошалелое щёлканье катится, Голос маленькой птички ледащей Пробуждает восторг и сумятицу В глубине очарованной чащи.» В том же году в стихотворении «Весенняя распутица» соловью посвящены пять катренов: «А на пожарище заката, В далёкой прочерни ветвей, Как гулкий колокол набата Неистовствовал соловей. Где ива вдовий свой повойник Клонила, свесивши в овраг, Как древний соловей-разбойник Свистал он на семи дубах. Какой беде, какой зазнобе Предназначался этот пыл? В кого ружейной крупной дробью Он по чащобе запустил? Казалось, вот он выйдет лешим С привала беглых каторжан Навстречу конным или пешим Заставам здешних партизан. Земля и небо, лес и поле Ловили этот редкий звук, Размеренные эти доли Безумья, боли, счастья, мук…»

Иван Крылов, наш хрестоматийный баснописец, большинство своих нравоучений описывал на примере животных, в том числе и птиц. Не прошёл он и мимо кукушки: «Орёл пожаловал Кукушку в Соловьи. Кукушка, в новом чине, Усевшись важно на осине, Таланты в музыке свои Выказывать пустилась; Глядит – все прочь летят, Одни смеются ей, а те её бранят».

А Сергей Есенин? Ведь он по своему крестьянскому происхождению был наиболее близок к природе. Однако образы птиц в его стихах мимолётны («По-осеннему кычет сова Над раздольем дорожной рани»), («Стою один среди равнины голой, А журавлей относит ветром в даль, Я полон дум о юности весёлой, Но ничего в прошедшем мне не жаль»). В одном случае его слова просто ошибочны. Вот начало его известнейшего стихотворения: «Выткался на озере алый свет зари. На бору со звонами плачут глухари. .... Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло. Только мне не плачется – на душе светло…» Если чуфыканье и бормотание тетеревов (а не глухарей) можно воспринять как плач, и если название «глухарь» можно воспринять как древнерусское «глухой тетерев», поскольку эти два вида, тетерев и глухарь, так обозначались

ранее на Руси, то и тогда к смыслу этих красивых строк есть возражение – звуки глухарей плачем никак не назовёшь. И иволга в дупле – такого в природе не бывает, и все орнитологи это знают. А её красивые флейтовые звуки самца и неприятные звуки самки (как у кошки, которой наступили на хвост) вряд ли ассоциируются с плачем. И тем не менее поэтически это очень запоминающиеся строки… Анна Ахматова почему-то тоже считала голос иволги печальным («Я слышу иволги всегда печальный голос»).

Уильям Шекспир, как всемирный гений, в XVI-XVII веках видел, знал и чувствовал всё, в том числе и птиц. В его пьесах и стихах содержится более 600 упоминаний о птицах. Специалисты по его творчеству определили, что он обращался к образу птиц больше, чем любой другой поэт. Всего Шекспиром упомянуты по крайней мере 56 видов птиц. Точные и ёмкие характеристики многих видов птиц свидетельствуют о том, что Шекспир хорошо их знал. Например, в комедии «Сон в летнюю ночь» можно точно понять внешность чёрного дрозда: «…The ousel cock so black of hue, With orange tawny bill…» (Самец чёрного дрозда очень чёрной окраски, С оранжево-ржавым клювом…» В пьесе «Всё хорошо, что хорошо кончается» Шекспир упоминает о времени пения разных птиц: «… Then my dial goes not true, I took this lark for a bunting…» («… Значит, мои часы неверны, я принял этого жаворонка за овсянку…»). В трагедии «Макбете» мы читаем: «… the poor wren, The most diminutive of birds, will fight Her young ones in her nest, against the owl» («…Бедный крапивник, мельчайшая из птиц, будет сражаться с совой за своих птенцов в гнезде»).

Не претендуя на полный охват темы о поэтах и птицах, надо всё же признать, что птицы в поэзии являются главным образом символами чувств, устремлений, надежд и душевных переживаний. Александр Кушнер считает, что птицы научили нас прежде всего музыке: «Не знаю, кто таинственным стихам, А музыке нас птицы научили. По зарослям, по роще и кустам – И дырочки мы в дудке просверлили. Как отблагодарить учителей? Молочная твоя кипит наука, О, пеночка! За плеск восьмых долей, За паузы, за Моцарта, за Глюка. Не знаю, кто стихам – так далеко Туманное и трудное начало. Пока ты пела в чаще – молоко На плитке у хозяйки убежало. Стихи никто не пишет, кроме нас. В них что-то есть от пота, есть от пыли. Бессмертные, умрут они сейчас. А музыке нас птицы научили!»

Поэты всегда одиноки (Простим поэтам их удел – Они, как вехи, одиноки, Свой ангел к каждому летел, И диктовал его лишь строки). Самобытность поэтов такова, что даже объединяясь в те или иные эстетические группы и кружки, они разрывают свои условные союзы, расходясь по разным углам, как это было с поэтами Серебряного века (Дмитренко 2007).

Душа настоящего поэта всегда особенно ранима. Великий французский поэт Шарль Бодлер (1821-1867) в своём стихотворении «Альбатрос» выразил это наиболее ярко (Бодлер 2008). Стихотворение это стало рекордным по количеству переводов на большинство языков мира. Переводов на русский тоже много. На мой взгляд, наиболее близок оригиналу перевод Юрия Юрченко:

Порой на корабле тоскливо экипажу,
И чтоб на миг забыть об участи своей,
Матросы ловят птиц – огромных птиц, вальяжных,
Преследующих их над безднами морей...

На палубу ступив, теряют альбатросы
Величие своё – издёвкам нет числа! –
И падают, скользят, смеша до слёз матросов,
И крылья волочат, как два больших весла...

Крылатый странник, – о! – как царство его хрупко!
Красавец! – как он стал уродлив, крив, горбат!..
И тычут в клюв ему прокуренную трубку,
Смеясь над ним, хромым, – летавшим миг назад!

Поэт – как альбатрос, судьба его капризна:
Не страшен ему шторм, смешна ему стрела,
Но вдруг – освистан он, стоит, на землю изгнан, –
Шаг сделать не дают гигантских два крыла...

Литература

Бодлер Шарль. 2008. *Стихотворения*. М..

Дмитренко С. 2007. *Поэзия в мире Серебряного века*. Антология русской поэзии. Серебряный век. М.: 1-719.

Мензбир М.А. 1904-1909. *Птицы*. СПб.: 1-1231.

Паевский В.А. 2001. *Птицеловы от науки. Воспоминания куршского орнитолога*. СПб.: 1-146.

Сафонова Т.В. 2009. Символика птиц в русской танатологической лирике // *Учён. зап. Орловского ун-та* 3: 182-184.

Шергалин Е.Э. 2014. Эдуард Георгиевич Багрицкий (1895-1934) – поэт и птицелов // *Рус. орнитол. журн.* **23** (1004): 1609-1620.

ISSN 1026-5627
*Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск **1840**: 5016-5018*

Встреча чернозобика *Calidris alpina* на озере Михалкинское в Новоржевском районе Псковской области

Э.В.Григорьев

Эдуард Вячеславович Григорьев. Деревня Дубровы, Новоржевский район, Псковская область, 182457, Россия. E-mail: edik.grigoriev2016@yndex.ru

Поступила в редакцию 17 октября 2019

Прежде малый чернозобик *C. a. schinzii* (C.L.Brehm, 1822) был известен на гнездовании у Псковско-Чудского озера, он включён в Красную книгу Псковской области (Шемякина 2014), однако в последние десятилетия гнездовые находки этого подвида в области отсутствуют (Бардин, Фетисов 2019). В гораздо большем количестве здесь встречаются пролётные чернозобики подвида *C. a. alpina* (Linnaeus, 1758). Чаще всего они наблюдаются на берегах Псковско-Чудского озера, однако известны редкие встречи и в других районах области (Косенков, Фетисов 2019). В Новоржевском районе Псковской области чернозобик ранее не регистрировался.

Рис. 1. Чернозобик *Calidris alpina* на корме лодки. Озеро Михалкинское. Новоржевский район Псковской области. 4 октября 2019. Фото А.Е.Васильева.

С 3 по 10 октября 2019 включительно в Новоржевском районе на Михалкинском озере (57°05'12" с.ш., 29°36'43" в.д.) А.Е.Васильев наблюдал одного пролётного чернозобика, который остановился на одном

из берегов, где расположена пристань для рыбацких лодок (рис. 1-3). При вспугивании кулик отлетал в сторону, а потом снова возвращался на то же место.

Рис. 2. Чернозобик *Calidris alpina*. Озеро Михалкинское.
Новоржевский район Псковской области. 5 октября 2019. Фото А.Е.Васильева.

Рис. 3. Чернозобик *Calidris alpina*. Озеро Михалкинское.
Новоржевский район Псковской области. 7 октября 2019. Фото А.Е.Васильева.

Озеро Михалкинское расположено в 17 км к востоку от Новоржева, площадь озера составляет около 100 га, его берега низкие и заболоченные, дно в основном илистое. В северной части озера начинает свой исток река Сороть, впадающая в реку Великую.

Большая благодарность Андрею Евгеньевичу Васильеву из деревни Михалкино за предоставленные сведения и фотографии.

Литература

Бардин А.В., Фетисов С.А. 2019. Птицы Псковской области: аннотированный список видов // *Рус. орнитол. журн.* 28 (1733): 731-789.

Косенков Г.Л., Фетисов С.А. 2019. Новые встречи чернозобика *Calidris alpina* в Псковской области // *Рус. орнитол. журн.* 28 (1828): 4561-4572.

Шемякина О.А. 2014. Чернозобик – *Calidris alpina* Linnaeus, 1758 (подвид *schinzii)* // *Красная книга Псковской области*. Псков: 428.

ISSN 1026-5627
*Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск **1840**: 5018-5021*

Формирование смешанной колонии серой *Ardea cinerea* и большой белой *Casmerodius albus* цапель с участием большого баклана *Phalacrocorax carbo* на нерестово-выростных прудах в Семипалатинском Прииртышье

А.С.Фельдман, Н.Н.Березовиков

Александр Сергеевич Фельдман. КГУ средняя общеобразовательная школа № 28, ул. Б.Момышулы, д. 57, г. Семей, Восточно-Казахстанская область, 071400, Казахстан. E-mail: papafe@mail.ru
Николай Николаевич Березовиков. Институт зоологии, Министерство образования и науки. Проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: berezovikov_n@mail

Поступила в редакцию 20 октября 2019

Среди значимых изменений в орнитофауне поймы Иртыша между Семипалатинском и Усть-Каменогорском в первом и втором десятилетиях XXI века является расселение по реке большого баклана *Phalacrocorax carbo*, серой *Ardea cinerea* и большой белой *Casmerodius albus* цапель, ставших здесь обычными птицами. О многолетней колонии серой цапли, существующей с 2003 года на правобережье Иртыша в 10 км восточнее города Семей (Семипалатинск) у села Озерки (50°22' 41" с.ш., 80°26'46" в.д.), мы уже сообщали (Фельдман и др. 2017). Она располагается в группе высокоствольных вётел *Salix alba* на берегу пруда Алимбай, одного из трёх прудов, на которых расположено рыбное хозяйство. При осмотре колонии 15 апреля 2017 в ней находилось

41 гнездо. В этой же колонии 11 апреля 2018 держалось не менее 25 пар серых цапель. Половина гнёзд была на начальной стадии строительства, другая половина – на стадии завершения. При посещении 13 апреля 2019 здесь было 30-35 строящихся гнёзд (рис. 1-3).

Рис. 1. Колония серой цапли *Ardea cinerea* на пруду Алимбай. 11 апреля 2018. Фото А.С.Фельдмана.

Рис. 2. Серые цапли *Ardea cinerea* в колонии. Пруд Алимабай у села Озерки. 13 апреля 2019. Фото А.С.Фельдмана.

Как выяснилось позднее, это поселение цапель было лишь фрагментом более крупной колонии, другая часть которой находилась на

двух соседних прудах. В общей сложности на трёх прудах в 2019 году гнездилось более 70 пар серых цапель.

Рис. 3. Серые цапли *Ardea cinerea* на гнёздах. Пруд Алимабай у села Озерки. 13 апреля 2019. Фото А.С.Фельдмана.

Кроме того, по сообщению егеря рыбного хозяйства С.Жакупбекова, там же находилась колония из 15 гнёзд больших белых цапель, поселившихся особняком на заломах тростника в заболоченной низине между первым и вторым прудами. Там же поселилось до 10 пар больших бакланов, устроивших свои гнёзда на кочках среди тростников. Примечательно, что бакланы в предыдущие годы прилетали с Иртыша на эти пруды на кормёжку и их приходилось даже отпугивать, чтобы они не снижали рыбопродуктивность водоёмов. После того, как они поселились здесь, прилёты посторонних бакланов сразу же прекратились. Ранее находок гнёзд большой белой цапель и большого баклана

в пойме Иртыша между городом Семей и посёлком Шульбинск не было известно, хотя с 2013 года их регулярно наблюдали здесь с весны до осени (Фельдман и др. 2015). Предположительно, они гнездились на лесистых островах Иртыша между сёлами Муздыбай и Булак, о чём нам сообщали рыбаки (рис. 4). Кроме того, небольшие поселения бакланов отмечались ранее в верхней части Шульбинского водохранилища (Березовиков 2013).

Рис. 4. Пойма Иртыша у села Гранитное. Вид с Караульной сопки.
3 июня 2015. Фото А.С.Фельдмана.

Таким образом, на прудах нерестово-выростного хозяйства у села Озерки в настоящее время началось формирование смешанной колонии серых и больших белых цапель с участием большого баклана. Её возникновение и существование стало возможным благодаря хорошо налаженной охране прудов и отсутствию преследования гнездящихся на них водяных птиц.

Выражаем искреннюю признательность егерю Сериккану Жакупбекову (г. Семей) за помощь, оказанную при посещении колонии цапель на прудах.

Литература

Березовиков Н.Н. 2013. Шульбинское водохранилище – новый очаг гнездования водоплавающих и околоводных птиц в бассейне Верхнего Иртыша // *Рус. орнитол. журн.* **22** (873): 1121-1129.

Фельдман А.С., Березовиков Н.Н. 2015. Большая белая цапля *Egretta alba* в Семипалатинском Прииртышье // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1126): 1167-1170.

Фельдман А.С., Березовиков Н.Н., Фельдман Т.Г. 2017. Колония серой цапли *Ardea cinerea* в Семипалатинском Прииртышье // *Рус. орнитол. журн.* **26** (1468): 2798-2805.

ISSN 1026-5627
*Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск **1840**: 5022-5027*

Питание и кормовое поведение черношейной поганки *Podiceps nigricollis* в прибрежной зоне Ялты (Крым)

И.В.Кузиков

Игорь Викторович Кузиков. Москва, Россия. E-mail: kuzikov-y@mail.ru

Поступила в редакцию 21 октября 2019

В сентябре 2019 года мною было обследовано морское побережье города Ялты от санатория «Черноморье» до Морского вокзала. В период с 12 по 29 сентября на участке протяжённостью 3.2 км были встречены 8 видов водяных птиц: черношейная *Podiceps nigricollis* и серощёкая *P. grisegena* поганки, чомга *Podiceps cristatus*, хохлатый баклан *Phalacrocorax aristotelis*, кряква *Anas platyrhynchos*, лысуха *Fulica atra*, озёрная чайка *Larus ridibundus*, хохотунья *Larus cachinnans*. Из них наиболее обычны хохотунья, озёрная чайка и хохлатый баклан.

Черношейная поганка (рис. 1), чомга, от 2 до 4 лысух и до 25 крякв почти постоянно, серощёкая поганка – с 15 по 19 сентября, держались и кормились на акватории у набережной Ялты от пляжа до Морского вокзала (0.5 км). Следует отметить, что в этом же месте две черношейные поганки были встречены в мае 2017 года (Кузиков 2017).

Рис. 1. Черношейная поганка *Podiceps nigricollis*. Морское побережье у набережной Ялты (Крым). 13 сентября 2019. Фото автора.

По данным литературы, черношейная поганка питается почти исключительно беспозвоночными (Гордиенко, Золотарёва 1977; Курочкин 1982, Шеина, Подковыров 2012); рыба занимает в рационе этого вида небольшое место и преимущественно в холодное время года (Дементьев 1951). Вместе с тем указывается, что данных по питанию в зимнее время практически нет (Курочкин 1982; Костин 1983). По другим данным, значительную долю рациона черношейной поганки в Крыму зимой составляет мелкая рыба, а в тёплое время года – насекомые и моллюски (Бескаравайный 2012). Из характерных особенностей кормового поведения черношейных поганок отмечается ныряние и перемещение в толще воды (Ламехов 2008). На Наурзумских озёрах в гнездовое время черношейные поганки кормятся на небольших плёсах глубиной до 1 м на участках радиусом 5-6 м, ныряя 2-3 раза в минуту и проводя под водой в среднем 14.3 с (Гордиенко, Золотарёва 1977; Курочкин 1982).

Рис. 2. Мальки пиленгаса *Liza haematocheila* – объект охоты и питания черношейной поганки *Podiceps nigricollis* на морском побережье Ялты. 13 сентября 2019. Фото автора.

Наблюдения за черношейной поганкой проводили в Крыму на побережье Чёрного моря с набережной Ялты вблизи Морского вокзала при большом скоплении пришвартованных прогулочных яхт, затруднявших отслеживание её перемещения у берега. Всего за эти дни было проведено чуть более 4 ч наблюдений. Благодаря штилю и прозрачности воды, с причалов, возвышающихся над морем на 1.5 м, удалось с близкого расстояния провести видео- и фотонаблюдения за особенностями питания и кормового поведения поганки. Как удалось устано-

вить, черношейная поганка кормилась исключительно мелкой рыбой, в частности, мальками пиленгаса *Liza haematocheila* – рыбы из семейства кефалевых, обитающей в Японском море и в конце 1970-х годов успешно акклиматизированной в Азовском и Чёрном морях. Стайки мальков этой рыбы в безветренную и тёплую погоду постоянно держались у поверхности воды на небольшой глубине в 2-3 м от берега, привлекаемые хлебными крошками, которые бросали прохожие (рис. 2).

Было установлено, что черношейная поганка во время пребывания на акватории вблизи набережной Ялты часть времени проводила пассивно, отдыхая на некотором удалении от берега, или активно охотилась. Она начинала кормиться, приближаясь к берегу, и высматривала добычу, опустив голову в воду (рис. 3). После обнаружения стайки мальков она начинала охоту, двигаясь со значительной скоростью под водой и пытаясь поймать рыбу (рис. 4). Как правило, поганка совершала круговые движения радиусом 2-3 м вокруг стайки с целью отбить одну-две рыбёшки от стаи. При неудачных попытках она через 2-7 с всплывала и через 1-3 с снова повторяла манёвр. После нескольких неудачных попыток, продолжавшихся до 4-5 раз, её поведение обычно менялось: нападение совершалось скоростным броском в центр стайки под водой после ныряния в 5-7 м от стайки. И в том и в другом случае, если птице удавалось отбить отдельную рыбку от стаи, она начинала погоню за ней, которая продолжалась 10-17 с на расстояние до 15-20 м.

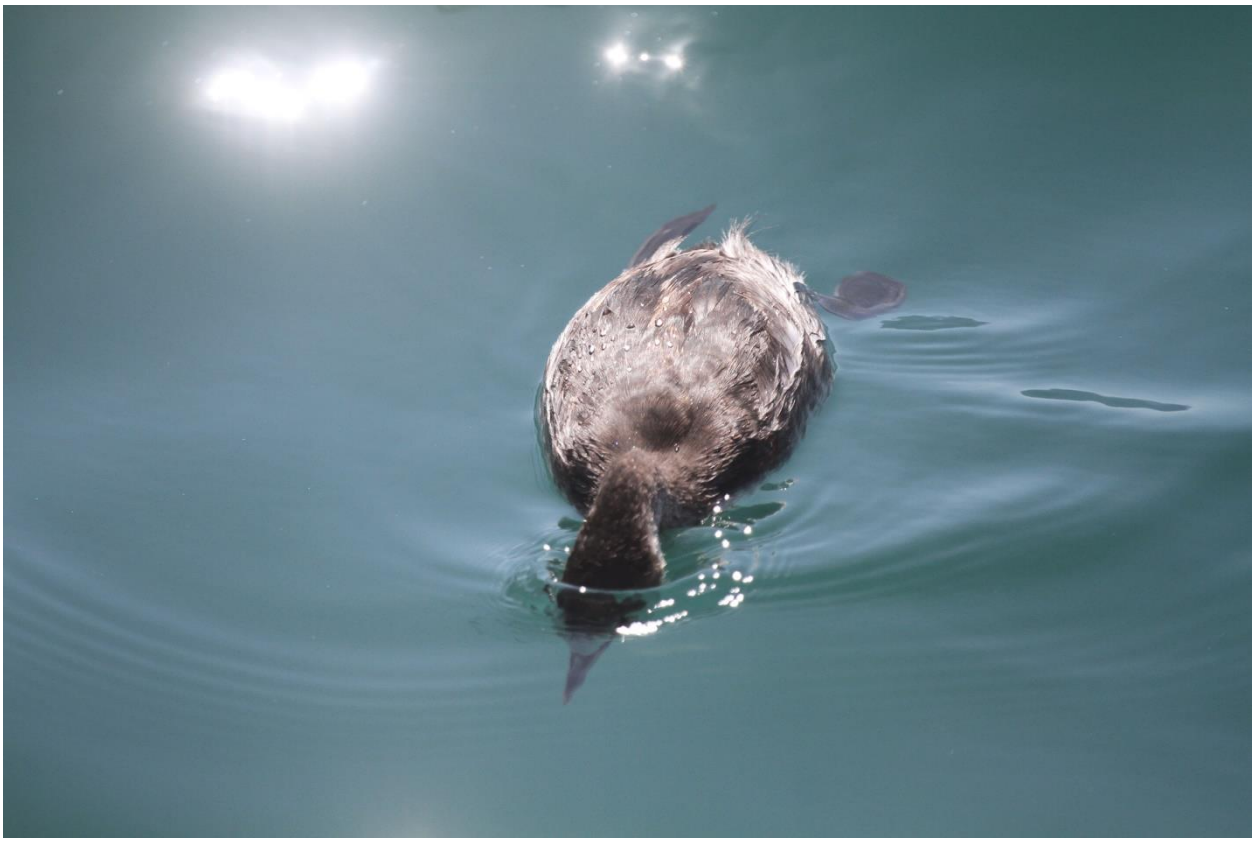

Рис. 3. Поиск добычи черношейной поганкой *Podiceps nigricollis* на акватории у набережной Ялты. 17 сентября 2019. Фото автора.

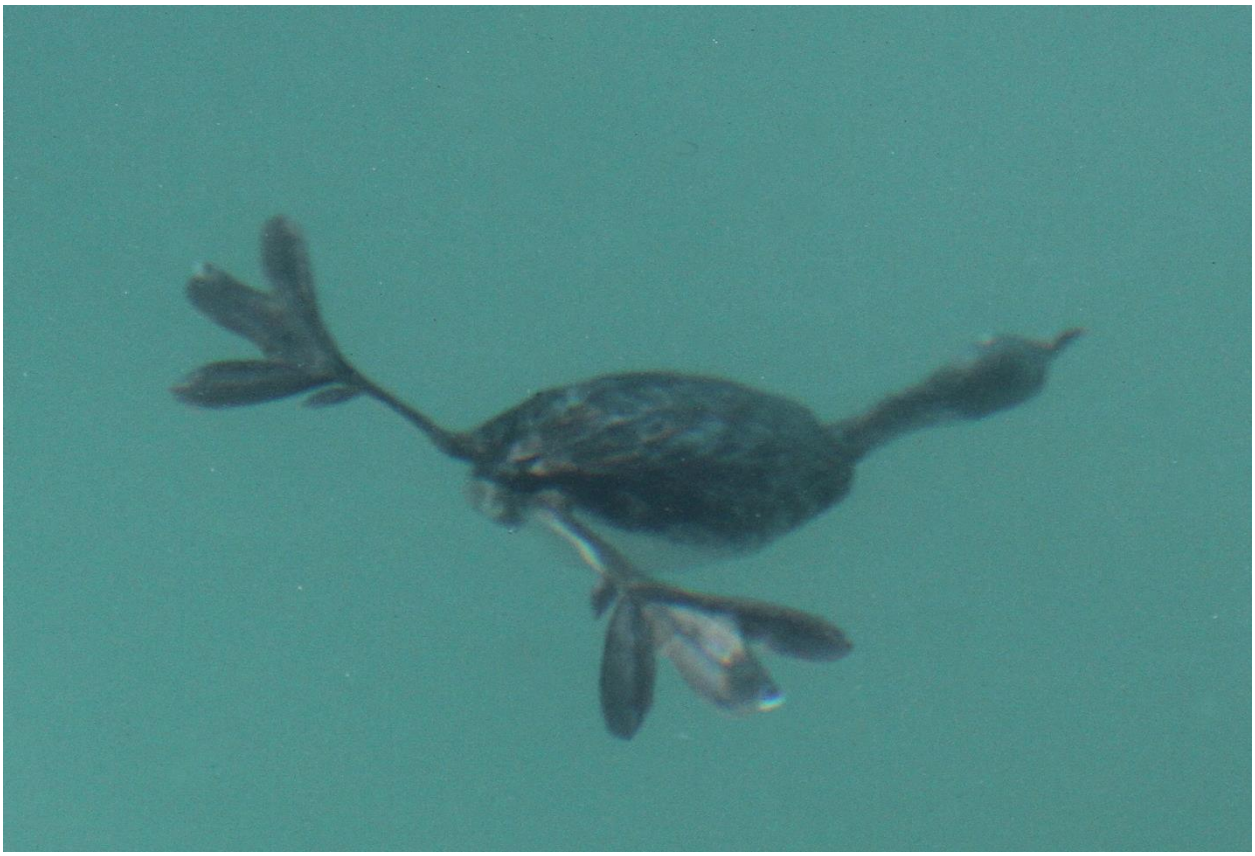

Рис. 4. Преследование добычи черношейной поганки *Podiceps nigricollis* под водой после ныряния на акватории у набережной Ялты. 16 сентября 2019. Фото автора.

За 4 дня удалось заснять всего 9 фото- и видеоэпизодов продолжительностью 31 мин 15 с, на которых зарегистрировано 40 ныряний, совершённых черношейной поганкой в момент охоты. Частота ныряний

составила от 2.1 до 9.2 раз в минуту, в среднем 5.1 раз/мин. Во время ныряния поганка находилась под водой от 2 до 17 с, в среднем 6.8 с. Промежутки времени между ныряниями составили 1-22 с, в среднем 5.9 с. После длительных заплывов под водой время отдыха увеличивалось в 4-5 раз и сопровождалось чисткой оперения и иногда взмахиваниями крыльев. При этом поганка продолжала высматривать добычу из надводного положения. Число успешных попыток поимки добычи черношейной поганкой было невысоким: всего зарегистрировано 3 случая за всё время наблюдений (рис. 5). Частота успешных попыток, по материалам фото- и видеосъёмки, составила один случай на 20 ныряний. Среднее время заглатывания добычи – 6 с. Следует заметить, что результат охоты за рыбой зависел и от величины потенциальной добычи. Так, 21 сентября за трёхминутную серию, в течение которой поганка совершила 11 ныряний, ей не удалось поймать ни одной рыбы из стайки сравнительно крупных мальков длиной 15-20 см, что вынудило её прекратить преследование.

Рис. 5. Черношейная поганка *Podiceps nigricollis* с добычей на акватории у набережной Ялты. 17 сентября 2019. Фото автора.

Таким образом, прямые наблюдения с помощью фото- и видеосъёмки показали, что во время осенних миграций на побережье Крыма в рационе черношейной поганки главное значение имеет мелкая морская рыба (мальки кефали), держащаяся у поверхности и в толще воды. В процессе ловли добычи на морском побережье кормовое поведение черношейных поганок – высматривание рыбы из надводного положения, ныряние и преследование в толще воды – схоже с поведе-

нием чомги и серощёкой поганки (Рязанов 2017, Кузиков 2018). Вместе с тем характерными выявленными особенностями кормового поведения черношейной поганки являлись преследование стайной рыбы с попыткой отбить отдельную особь и последующая погоня за ней, которая в результате приводила к успеху.

Литература

Бескаравайный М.М. 2012. *Птицы Крымского полуострова*. Симферополь: 1-336.

Гордиенко Н.С., Золотарёва В.И. 1977. Питание поганок Наурзумских озёр // *7-я Всесоюз. орнитол. конф*. Киев, **1**: 230-231.

Дементьев Г.П. 1951. Отряд поганки Colymbi или Colymbiformes // *Птицы Советского Союза*. М., **2**: 261-286.

Костин Ю.В. 1983. *Птицы Крыма*. М.: 1-240.

Кузиков И.В. 2017. Заметки о некоторых видах птиц, встреченных в окрестностях Ялты в мае 2017 года // *Рус. орнитол. журн*. **26** (1472): 2953-2958.

Кузиков И.В. 2018. Встреча серощёкой поганки *Podiceps grisegena* и наблюдение за её кормовым поведением в Чистом заливе реки Москвы в районе Строгино // *Рус. орнитол. журн*. **27** (1641): 3433-3435.

Курочкин Е.Н. 1982. Отряд поганкообразные Podicipediformes // *Птицы СССР. История изучения. Гагары, поганки, трубконосые*. М.: 289-351.

Ламехов Ю.Г. 2008. Предгнездовой период в жизни колониальных видов птиц на примере озёрной чайки *(Larus ridibundus* L., 1966) и черношейной поганки *(Podiceps nigricollis* C.L. Brehm, 1831) в лесостепной зоне южного Зауралья // *Вестн. Оренбург. ун-та* 10 (92): 202-208.

Резанов А.Г. 2017. Охотничьи тактики пролётных чомг *Podiceps cristatus* на реке Москве в Коломенском // *Рус. орнитол. журн*. **26** (1533): 5074-5079.

Шеина Л.В., Подковыров В.А. 2012. Материалы по питанию чомги *Podiceps cristatus* и черношейной поганки *Podiceps nigricollis* в дельте реки Селенги // *Рус. орнитол. журн*. **21** (804): 2528-2529.

ISSN 1026-5627
*Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск **1840**: 5027-5029*

Белая трясогузка *Motacilla alba* с одной ногой

К.Ю.Домбровский

Константин Юзефович Домбровский. Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии, Санкт-Петербургский филиал ФГБНУ «ВНИРО» («ГосНИОРХ» им. Л.С.Берга), Набережная Макарова, д. 26, Санкт-Петербург, 199053, Россия.
E-mail: k.dombrovsky@yandex.ru

Поступила в редакцию 6 октября 2019

В литературе можно найти довольно много описаний встреч в природе разных птиц с аномалиями в строении конечностей. В частности, описывается как частичная потеря ноги, так и полное её отсутствие (Подковыркин 2006; Прокофьева 2006; Резанов 2007; Пчелинцев 2014;

Березовиков 2015; Березовиков, Казенас 2018а,б; Назин 2018; Романовская 2019; Фельдман, Березовиков 2019.).

Белая *трясогузка Motacilla alba*, живущая с одной ногой.
Санкт-Петербург, Красное Село. 5 октября 2019. Фото автора.

5 октября 2019 на Безымянном озере в Красном Селе, на южной окраине Санкт-Петербурга, я заметил белую трясогузку *Motacilla alba*, у которой отсутствовала левая нога. Птица не бегала по урезу воды, как обычно, а скакала на одной ноге. Причём очень быстро и без каких бы то ни было заметных усилий. Не пыталась балансировать крыльями, резко останавливалась и ровно стояла. Иногда перелетала на несколько метров и снова принималась скакать по кромке воды. Часто что-то склёвывала. В общем, создавалось впечатление, что полное отсутствие ноги нисколько не тяготит птицу. Сколько я ни рассматривал трясогузку, никакого признака хотя бы маленького фрагмента второй ноги не заметил. Выглядела птица вполне упитанной. Вместе с ней на берегу кормились ещё две белые трясогузки.

Литература

Березовиков Н.Н. 2015. Случай прижизненного травматизма маскированной трясогузки *Motacilla personata* // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1199): 3633-3634.

Березовиков Н.Н., Казенас В.Л. 2018а. Новый случай прижизненного травматизма маскированной трясогузки *Motacilla personata* на Северном Тянь-Шане // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1602): 2025-2026.

Березовиков Н.Н., Казенас В.Л. 2018б. Ещё одна встреча с травмированной маскированной трясогузкой *Motacilla personata* в городе Алматы // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1628): 3012-3013.

Назин А.С. 2018. О встречах в Оренбургской области птиц с дефектами клюва, травмами конечностей и аномальной окраской оперения // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1697): 5679-5687.

Подковыркин Б.А. 2006. О встречах птиц с травматическими повреждениями // *Рус. орнитол. журн.* **15** (311): 214-215.

Прокофьева И.В. 2006. О существовании птиц с травмами и болезнями // *Рус. орнитол. журн.* **15** (311): 203-205.

Пчелинцев В.Г. 2014. Встреча одноногого галстучника *Charadrius hiaticula* на побережье Печорского моря во время осенней миграции // *Рус. орнитол. журн.* **23** (983): 1001-1003.

Резанов А.Г. 2007. Кормовое поведение галок *Corvus monedula* и других птиц, имеющих морфологические дефекты клюва и нижних конечностей // *Рус. орнитол. журн.* **16** (392): 1700-1702.

Романовская И.Р. 2019. Весенняя встреча травмированной маскированной трясогузки *Motacilla personata* в Чуйской долине // *Рус. орнитол. журн.* **28** (1759): 1772-1773.

Фельдман А.С., Березовиков Н.Н. 2019. Встреча маскированной трясогузки *Motacilla personata* с травмированной ногой в Усть-Каменогорске // *Рус. орнитол. журн.* **28** (1815): 4037-4038.

ISSN 1026-5627
*Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск **1840**: 5029-5032*

Орлан-белохвост *Haliaeetus albicilla* в Волгоградском Заволжье

В.Н.Пименов

*Второе издание. Первая публикация в 2014**

В 1980-е годы для всего Волгоградского Заволжья В.Н.Мосейкин (1991) указывал не менее 50 гнездовых пар орлана-белохвоста *Haliaeetus albicilla*, однако с середины 1990-х годов там было отмечено значительное сокращение его численности (Мосейкин 1991, 2008). К сожалению, никаких конкретных сведений о размещении орланов в Заволжье в цитируемых работах нет. Г.В.Линдеман с соавторами (2005), проработавший около 40 лет в Приэльтонье, отмечал орлана-белохвоста там только как кочующий вид, впервые появившийся в 1979 году, а к 2004 году набравший максимальную численность до 100-110 холостых особей, стаями собиравшихся летом в лесных посадках и у водоёмов близ колоний малого суслика *Spermophilus pygmaeus*.

В течение 2004-2013 годов мы регулярно проводили летние полевые исследования в Приэльтонье с целью изучения динамики численности и экологии хищных птиц и кольцевания их птенцов (таблица).

* Пименов В.Н. 2014. Орлан-белохвост в Волгоградском Заволжье // *Хищные птицы Северного Кавказа и сопредельных регионов: Распространение, экология, динамика популяций, охрана.* Ростов-на-Дону: 271-273.

Учётные маршруты были приурочены, в основном, к окрестностям посёлков Рассвет и Маяк Октября Ленинского района, посёлка Катричев Быковского района, озера Булухта и Финогенова пруда в верховьях реки Хара. Учёты велись преимущественно на велосипедных маршрутах, а также на автомобильных маршрутах и пешком. Орлан-белохвост учитывался на трансенкте шириной примерно 3 км. Для поиска и учёта птиц использовались бинокли ×8 и подзорная труба ×20. Общая площадь, охваченная учётами, составила около 4 тыс. км^2.

Результаты учётов орлана-белохвоста
в Волгоградском Заволжье в 2004-2013 годах

Годы	Время проведения учётов	Длина учётных маршрутов, км	Общее число учтённых орланов	Обилие, ос./10 км маршрута
2004	Июнь-июль	253	207	3.41
2005	Июнь-июль	344	80	1.19
2007	Май	120	60	2.08
2008	Июнь-июль	650	10	0.15
2009	Июнь-июль	650	15	0.23
2010	Июнь-июль	650	23	0.35
2011	Июнь-июль	700	30	0.42
2012	Июнь-июль	600	21	0.35
2013	Июнь-июль	600	27	0.45

В 2004 году орланы держались у конефермы в 13-14 км к северо-востоку от посёлка Катричев (2 взрослые птицы); в Селезневом саду в 20-21 км северо-восточнее Катричева (6 взрослых); у фермы в 25 км к востоку от Катричева (4 птицы); близ Носова пруда в 10 км к юго-западу от озера Булухта (3 взрослые); у большого Юдина пруда близ северного берега озера Булухта (20 птиц, в том числе 2 взрослые, 3 почти взрослые, 1 – очень пёстрая); у кладбища в 13-15 км южнее Финогенова пруда (4 взрослые) и на огромных вётлах по берегам Финогенова пруда (168 птиц, в том числе около 50 взрослых). Всего в 2004 году учтено 207 орланов, или 3.41 ос./10 км маршрута, т.е. белохвосты в полупустынях Приэльтонья по численности оказались доминантами среди хищных птиц. О большом скоплении орланов в 2004 году на «длинном пруду в 40 км к северо-западу от оз. Эльтон» (очевидно, на Финогеновом пруду) сообщали и Г.В.Линдеман с соавторами (2005).

В 2005 году учтено 80 орланов (1.19 ос./10 км пути). Птицы держались в тех же местах, что и в 2004 году, но в гораздо меньшем количестве. Это объяснялось, возможно, сильным фактором беспокойства из-за массового появления в Приэльтонье ловцов сусликов, после которых в 18-20 местах в степи остались кучи добытых зверьков. Поэтому численность орланов на Юдином пруду сократилась с 20 до 10 особей, а у Финогенова пруда – с 168 до 59 птиц.

В 2006 году обследование данной территории не проводилось, а в 2007 году в начале мая учтено 60 орланов на 120 км (2.08 ос./10 км), в том числе 55 птиц у Финогенова пруда. При повторном учёте в июле отмечены только 3 птицы на 350 км (0.08 ос./10 км), державшиеся у Финогенова пруда. В этом году наблюдалась очень сильная засуха, и уже в начале мая Финогенов пруд обмелел, а к 7 июля он почти полностью высох, и по всему дну осталось огромное количество погибшей рыбы (Чернобай 2008). В июле не было воды и в других местах на учётном маршруте, что и сказалось на численности орланов, нуждающихся в постоянных пресных водопоях.

В последующие годы численность орланов в Приэльтонье значительно сократилась (таблица), не превышая 0.45 ос./10 км учётного маршрута, а в среднем за 2008-2013 годы их встречаемость составила 0.33 ос./10 км. Птицы встречались в эти годы в основном в районе Финогенова пруда, иногда у луж по заброшенным каналам.

Несмотря на то, что орланы-белохвосты относятся к ихтиофагам, в степи они перешли на питание сусликами и выслеживали их у нор, как и степные орлы *Aquila nipalensis*. В Селезневом саду под деревьями, где сидели орланы, 13 июня 2004 на площади примерно 5×5 м обнаружено огромное количество погадок, содержавших остатки грызунов. Здесь было также много линных перьев орланов. Несмотря на то, что Финогенов пруд изобилует рыбой (в основном серебряный карась *Carassius gibelio)*, я ни разу не видел, чтобы орланы ловили здесь рыбу, хотя купались на мелководье с удовольствием, а после купания рассаживались на плотине, где, раскрыв крылья, получали солнечные ванны и сохли. По утрам они в большом количестве сидели на краях плотины, вероятно, ждали восходящих потоков воздушных масс, и со стороны казалось, что на плотине стоит строй солдат, так мощно они выглядели. За три дня вынужденного нахождения у пруда, я ни разу не видел орланов, охотящихся за рыбой.

Кроме холостых орланов, в 2004 году на Финогеновом пруду, у плотины в его нижней части, было обнаружено жилое гнездо, сделанное на старом тополе в развилке верхушечных ветвей. 27 июня у гнезда на дереве держался слёток. 25 июня 2005 это гнездо было занято, и возле него вновь держался слёток. В 2006 году при степном пожаре гнездовое дерево сгорело и упало. В 2007 и 2008 годах гнездовой участок не обследовался, а в 2009 году на Финогеновом пруду обнаружено новое гнездо орлана-белохвоста на сухом тополе у дороги в 200-300 м от прежнего места гнездования, и 14 июля 2009 взрослые птицы с птенцом держались рядом. В 2010 году у Финогенова пруда появилось новое гнездо на живой ветле в 70-100 м от предыдущего, в котором 14 июня 2010 был один птенец. В 2011-2013 годах орланы-белохвосты заселяли это же гнездо на ветле.

Литература

Линдеман Г.В., Абатуров Б.Д., Быков А.В., Лопушков В.А. 2005. *Динамика населения позвоночных животных Заволжской полупустыни*. М.: 1-252.

Мосейкин В.Н. 1991. Редкие гнездящиеся виды хищных птиц Волго-Уральского междуречья // *Материалы 10-й Всесоюз. орнитол. конф*. Минск, **2**, 2: 93-94.

Мосейкин В.Н. 2008. Динамика популяций орлана-белохвоста в Волго-Уральском междуречье // *Изучение и охрана хищных птиц Северной Евразии*. Иваново: 276-277.

Чернобай В.Ф. 2008. Организация охраны и мониторинга КОТР Волгоградского Заволжья // *Ключевые орнитологические территории России: Информ. бюл*. **21**: 27-30.

ISSN 1026-5627
*Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск **1840**: 5032-5034*

О зимовке зимняка *Buteo lagopus* в Закавказье

А.В.Абуладзе

*Второе издание. Первая публикация в 2003**

Зимняк *Buteo lagopus* для Закавказья является очень редким, нерегулярно пролётным и малочисленным зимующим видом. Эти птицы в Закавказье в период сезонных миграций отмечаются не каждый год. Их осенние и весенние перемещения в регионе выражены очень слабо и носят характер кочёвок. В целом это очень редкая хищная птица на пролёте (Абуладзе 1984; Abuladze 1998, 1999; Kosonen 1981; Lofgren 1982; Paakkinen *et al*. 1981; Sojamo 1982, 1983).

С 1973 года при проведении учётов хищных птиц на пролёте в Грузии зимняк не наблюдался осенью в 1973, 1974, 1977, 1978, 1983, 1984, 1985, 1989, 1990, 1993 и 1996 годов. Но и в те годы, когда этот вид был учтён, на его долю приходилось от 0.001% (1987 год) до 0.019% (1988) от общего количества учтённых соколообразных. Ещё реже и в меньшем количестве были отмечены эти птицы на весенних пролёте и относительная их численность была крайне низка – 0.001-0.008% от общего количества учтённых мигрантов. Весенний пролёт малозаметен, происходит в конце марта – первой декаде апреля и приурочен к сухим открытым ландшафтам континентальной части региона. Реже зимняки пролетают по прибрежным низменностям Каспийского и Чёрного морей. Пролётные птицы иногда делают остановки. Последние пролётные зимняки встречались в середине апреля. Осенью пролёт идёт более широким фронтом. Птицы пролетают в конце октября – первой половине ноября, но в годы с тёплой осенью они обычно не встречается

* Абуладзе А.В. 2003. О зимовке зимняка в Закавказье // *Материалы 4-й конф. по хищным птицам Северной Евразии*. Пенза: 121-124.

до зимних похолоданий. Самые ранние встречи отмечались в третьей декаде сентября. Однако отмечены и аномально ранние осенние залёты зимняков в Закавказье. Так, 1 сентября 2001 две одиночные особи встречены на востоке Грузии – у Гори и Агары. На пролёте зимняки встречаются всегда по одиночке. Редко эти пернатые хищники наблюдались в небольших стаях канюков *Buteo buteo*.

Зимняк в Закавказье отмечается на зимовках регулярно, но в некоторые годы численность этого вида крайне низка. Область зимовок обширна и включает низменности, равнины и предгорья в бассейнах Каспийского и Чёрного морей. Площадь зимних местообитаний вида в Закавказье составляет 40000-45000 км^2. Разумеется, что для такой территории оценить численность сложно. К тому же, численность зимняка подвержена резким колебаниям даже за короткие промежутки времени на одном и том же участке. По результатам учётов зимующих хищных птиц в 1977-1991 годах в Грузии, на западе Азербайджана и на севере Армении, мы установили, что здесь – в западном и центральном Закавказье, на общей площади около 20000 км^2 численность зимняка составляла в разные годы от 150 до 2000 особей, основная часть из которых зимовала в долине реки Куры. Больше всего собирается этих птиц на равнинах Закавказья в те зимы, когда в степях Предкавказья и в предгорьях Северного Кавказа складываются крайне неблагоприятные погодные условия – наступает резкое похолодание, сопровождаемое обильными снегопадами. Так, в декабре 1997 – первой половине февраля 1998 года этих птиц было очень мало в Грузии и Западном Азербайджане. На 100 км автомобильных маршрутов отмечалось в среднем от 1.4 (на Колхиде) до 2.2 особи (на Нижне-Картлийской равнине и Морском плоскогорье). В середине февраля произошло резкое похолодание, и сразу на этих маршрутах численность выросла соответственно до 4.7 и 11.3 ос/100 км. Но в последующие две тёплые зимы на этих же маршрутах были отмечены лишь одиночные особи – 0.5 и 1.6 ос./100 км, соответственно. В последние годы наибольшее количество зимняков в Закавказье отмечено в январе-феврале 1992 года, в феврале 1995 и зимой 2001/02 года. Но в целом зимняк всегда является малочисленной зимующей птицей в Закавказье. За все годы наблюдений его относительная численность никогда не превышала 1% от общего количества зимующих здесь соколообразных и чаще колебалась в пределах 0.4-0.6%. Зимняки никогда не образуют стай, держатся поодиночке, хотя иногда в пределах видимости может находиться и до 3 особей. Охотятся они обычно на участках с низкой травой, высматривая добычу с невысоких присад.

С целью изучения зимнего питания зимняков в местах их постоянного пребывания были собраны погадки и остатки добычи. Материал собран на юго-востоке Грузии. Погадки собирались под присадами, с

которых птицы высматривали добычу и отдыхали. Остеологический материал определяли териологи Института зоологии АН Грузии. Результаты анализа представлены в таблице. Основу рациона зимняка на зимовках в Центральном Закавказье составляют мыши – лесная *Apodemus sylvaticus* и домовая *Mus musculus*, а также полёвки, главным образом общественная *Microtus socialis*. Другие грызуны и мелкие птицы являются случайной добычей.

Материалы по питанию зимняка
на зимовках в Восточной Грузии

Вид добычи	Число экземпляров	
	Абс.	%
Лесная мышь *Apodemus sylvaticus*	91	32.38
Домовая мышь *Mus musculus*	35	12.46
Мыши *Mus* spp.	41	14.59
Закавказский хомяк *Mesocricetus brandti*	1	0.35
Водяная полёвка *Arvicola terrestris*	7	2.49
Кустарниковая полёвка *Microtus majori*	8	2.85
Обыкновенная полёвка *Microtus arvalis*	1	0.35
Общественная полёвка *Microtus socialis*	76	27.05
Серые полёвки *Microtus* spp.	16	5.69
Млекопитающие, всего	**276**	**98.22**
Хохлатый жаворонок *Galerida cristata*	1	0.35
Коноплянка *Linaria cannabina*	1	0.35
Мелкие воробьиные Passeriformes	3	1.07
Птицы, всего	**5**	**1.77**
Итого:	281	100.00

Зимняки нередко гибнут на закавказских зимовках. Известно более 30 случаев их отстрела браконьерами. Наблюдали успешную охоту самки тетеревятника *Accipiler gentilis* на зимняка, кроме этого, несколько раз отмечали неудачные попытки нападения на них тетеревятников, беркута *Aquila chrysaetos* и стаи серых ворон *Corvus cornix*. Был отмечен случай гибели зимняка из-за столкновения с автотранспортом. Так, 2 февраля 1991 в Тбилисский зоопарк доставили травмированную птицу, которая погибла в тот же день. Зимняк был сбит грузовиком на шоссе Тбилиси – Рустави. Кстати, аналогичный случай отмечен и на Ставрополье (Хохлов, Ильюх 1998)

ISSN 1026-5627
Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск ***1840****: 5035*

О питании и размножении пустынного ворона *Corvus ruficollis* и курганника *Buteo rufinus* в юго-восточной Туркмении

Г.С.Бельская, А.Н.Сухинин

*Второе издание. Первая публикация в 1962**

Материалы по питанию и размножению пустынного ворона и курганника собраны в 1958-1961 годах в Карабиле (юго-восточная Туркмения). Исследовано 30 гнёзд (с яйцами и птенцами) ворона и 20 гнёзд курганника. Питание характеризуется по данным анализа погадок и кормовых остатков (ворона – 600, курганника – 300).

Пустынный ворон *Corvus ruficollis*. Полные кладки из 3-9 яиц. В семи кладках было 3-4, в восьми – 5-6 и в четырёх – 7-9 яиц. Кладки встречаются с первой декады марта до начала мая. Сроки начала размножения изменяются по годам и зависят, по-видимому, от температурных условий весны. Наиболее ранние даты встреч только что вылупившихся птенцов: 1 и 2 апреля. По материалам авторов, в юго-восточной Туркмении (Бадхыз, Карабиль) сроки размножения пустынного и обыкновенного *Corvus corax* воронов, по крайней мере в некоторые годы, совпадают, и плодовитость первого выше, чем второго. В среднем за два года в гнездовой период в питании пустынного ворона грызуны составляли 61%, птицы – 3%, пресмыкающиеся – 10%, насекомые – 54%, паукообразные – 24% и семена растений – 0.3%.

Курганник *Buteo rufinus*. Гнёзда располагаются на расстоянии 1.5-2 км друг от друга и, как правило, чередуются с обитаемыми гнёздами пустынного ворона. В полных кладках 1-5 яиц. Такое же число птенцов в выводках. У курганника, как и у пустынного ворона, в больших кладках яйца крупнее, чем в маленьких. Количество яиц в кладках зависит от состояния кормовой базы. В 1959 году у колодца Солтануюк полные кладки курганника состояли из 1-2 яиц, а 13 км севернее, где численность грызунов была выше, – из 3-5 яиц. В 1958-1959 годах в питании курганника в Карабиле грызуны составляли 91.7%, пресмыкающиеся – 15.9%, птицы – 4.6%, насекомые – 19.2%, паукообразные – 18.4%.

* Бельская Г.С., Сухинин А.Н. 1962. О питании и размножении пустынного ворона и курганника // *Материалы 3-й Всесоюз. орнитол. конф.* Львов, **1**: 28-29.